

Виталий Самойлов

*Доктрина
гиперанархизма*

Виталий Самойлов
Доктрина гиперанархизма

«Издательские решения»

Самойлов В.

Доктрина гиперанархизма / В. Самойлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852579-7

Гремучая смесь из анархизма, персонализма и экзистенциализма в одном флаконе — эта книга может стать в распоряжении своего читателя своеобразной «инструкцией по выживанию» в современном мире определенного типа человека, которого в условиях «последних времен» стоит назвать не иначе как обособленным и отчужденным.

ISBN 978-5-44-852579-7

© Самойлов В.
© Издательские решения

Содержание

«Свобода превыше всего»	6
Предисловие ко второму изданию	8
Действующие лица	10
Доктрина гиперанархизма	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Доктрина гиперанархизма

Виталий Самойлов

© Виталий Самойлов, 2017

ISBN 978-5-4485-2579-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Свобода превыше всего» (Вместо предисловия)

Читателю предлагается текст, который изначально задумывался автором как развернутый комментарий к его предыдущему сочинению – метафизической поэме *Иная Весть*. Однако уже в ходе работы становилось ясно, что тексту суждено оказаться самостоятельным произведением. В любом случае, ознакомление с *Иной Вестью* прежде прочтения *Доктрины гиперанархизма* окажется весьма полезным для того, чтобы уяснить, что именно автор вознамерился здесь сказать. Можно поступить и в обратном порядке, прочтя сначала *Доктрину*, а уже только затем приняться за *Весть* – так хотя бы можно отследить, в сколь великой степени произошли изменения в воззрениях автора. А можно остановиться лишь на *Доктрине*, позабыв как о существовании *Вести*, так и о существовании самого автора вместе с его настоящим сочинением. Кому как угодно. Мало ли кому та же *Доктрина* не придется по вкусу – если вообще придется. Судьба литераторов испокон века такова, что им надлежит заведомо готовить себя к произнесению своих словес в пустоту. Это еще называется мыслями вслух.

Автор решил учесть ошибки своего предыдущего опуса, написав такую вещицу, в которой о предельно сложном говорится предельно просто – по крайней мере, им были приложены к тому все возможные усилия. Вследствие этого, конечно же, благодетелем человечества ему вряд ли удастся стать, но расположить внимание лишнего читателя, быть может, все-таки получится. На самом деле, читатель никогда не бывает лишним. Он либо есть, либо его нет. На сей раз, автор подготовился и к тому, и к другому.

Чтобы уж совсем не впасть в беспросветный трагизм, автор решил также посмеяться в самом наименовании сочинения. *Доктрина*, раз уж на то пошло, не содержит в себе текста, претендующего на каноничность в целях изобретения очередного «изма». Этих «измов» и без того хоть отбавляй, а потому автор не стал себя озадачивать изобретением велосипеда – и без него уже давным-давно все придумано и сказано. Пожалуй, главное, что может для себя здесь твердо усвоить читатель, звучит следующим образом: творчество – это безграничный простор для самовыражения. Ни больше, ни меньше.

Стало быть, *Доктрина* не содержит в себе никакого «призыва» к какому-либо «разжиганию». Впрочем, к «маленьким любителям экстремизма» будет особая просьба: не касаться страниц этой книги, чтобы ненароком не пробудить в себе погромщика, на беду своим же родителям. Если эта книга и адресует читателю какой-либо призыв, так лишь призыв к размышлению, а не к действию. Лучше всего, когда действию предшествует основательное размышление, а основательное размышление ведет к основательному действию. Не принимай ничего на веру. Учись никому и ничему не доверяться. Твердость веры закаляется в терниях подозрения – так рождается убеждение. Не принять на веру значит открыться для прихода к вере. Только это будет уже ТВОЯ вера.

Доктрина гиперанархизма – это гимн свободе. Там, где свобода, там и пафос. А пафоса в книге много. Автора могут назвать даже «пленником свободы» – и действительно, он превыше всего возлюбил свободу. Но одно дело свободу любить, а другое дело ею обладать. Читатель, внимательно освоив *Доктрину*, в итоге дойдет до того, что не человек обладает свободой, а свобода обладает им. Тем более что *Доктрина*, равно как и всякая басня, имеет свою мораль. А мораль сей басни такова: создай себя сам, и будешь свободен. Впрочем, ты уже свободен. Свободен не быть свободным. Что тебе нужно – решай сам.

Книга написана пьесой заведомо, дабы на стыке драматургии и метафизики родить на свет произведение искусства. Всякое творение живет своей жизнью согласно желанию

его творца. Поэтому *Доктрина* свободна идти своими путями так же, как и сам ее автор. И ее жизнь совершенно не будет зависеть от того, соприкоснется ли с ней кто-либо еще. Независимость – залог свободы. А во всякое творение, как известно, вложена живая душа.

Автор менее всего намерен приносить читателю извинения за те неудобства, которые будут ему доставлены в процессе чтения. Искусство не призвано служить комфорту.

Виталий Самойлов

Предисловие ко второму изданию

Второе издание *Доктрины*, почти что вдогонку следующее за первым, не предлагает ничего принципиально нового в содержательном плане. Можно сказать, что здесь автором лишь восполняются допущенные в первом издании упущения, которые пускай и незначительны, но все же могли быть предупреждены сразу за надлежавшей прилежностью и отсутствием спешки в написании опуса. На сей счет можно возразить лишь тем, что упущения *Доктрины* куда продуктивнее было бы восполнить в очередном авторском сочинении. Однако же, когда имеется возможность по горячим следам хотя бы на йоту приблизить к совершенству нечто исполненное, то лучше не упускать шанса. Тем более, что *Доктрина* по многим своим параметрам подпадает под определение программного сочинения – по крайней мере, на текущий момент. Пока же хотелось бы оговорить те моменты, которые автор счел нужным учесть при ознакомлении читателя сызнова с не так давно законченным опусом.

Итак, во-первых. Реагируя на успевшие раздаться комментарии в адрес первого издания, автор обращает внимание учтивого читателя на то обстоятельство, что пускай сопоставление *Доктрины* с *Катехизисом Гиперфашизма* весьма правомерно и уместно, но возымело место быть оно лишь ввиду созвучия в наименовании двух сочинений – причем, созвучия, которое было допущено ради привлечения большего интереса к опусу в тех кругах, среди которых *Доктрине* был дан ход еще прежде ее официального опубликования. Несмотря на обвинения в том, что, дескать, *Доктрина* точь-в-точь дублирует *Катехизис*, автор также обращает внимание на то, что было оговорено в предисловии ко второму изданию самого *Катехизиса*: изложение какого-либо учения в диалоговой форме старо как мир, а потому не может быть названо чьим бы то ни было оригинальным изобретением. Не будь созвучия в наименованиях, использованный в *Доктрине* прием подачи мысли никого бы по большому счету и не задел. Все новое есть хорошо забытое старое. Между тем, судя по реакции на *Доктрину*, не лишним будет заметить, что даже в этом плане авторская претензия на новизну себя не оправдала. Тем оно и лучше, ибо таковой претензии вовсе и не было. Автор исполнил то, что хотел – детали же должны волновать лишь тех, кого они коробят и не дают спокойно спать по ночам. Лишние всегда отсеиваются сами собой. А такие, как оказалось, все же имеются.

Далее, во-вторых. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться, что автор не предназначает предложенную читательскому вниманию пьесу для постановки на сцене. Заключение пьесы само по себе исчерпывающе за это говорит. Впрочем, авторское предположение насчет того, что текст *Доктрины* может послужить заинтересовавшемуся любителю поводом для кинематографического эксперимента, остается в силе. Мало ли, кого данное чтиво сможет действительно в полной мере заинтересовать.

Наконец, в-третьих. Если *Катехизис* делает упор на провокацию, которая сразу же дает знать о себе по наименованию текста, то *Доктрина* предлагает новацию, по сю пору упускаемую из виду всеми теми, кого можно назвать, согласно критериям Гиперанархиста, радикалами: снятие какой бы то ни было ограниченности идеологическими разночтениями и перипетиями. *Доктрина* – это попытка (автор намеренно делает ударение на этом слове, дабышний раз упредить себя от того, чтобы впасть в бред величия) дать адекватный ответ на вызов времени, состоящий в том, что радикал сегодня лишен какого бы то ни было простора для внешнего действия, почему, во имя самосохранения, ему стоит перевести само это действие во внутреннее русло. Внешнее действие нынче бесплодно именно ввиду оголтелого следования отжившим свое идеологическим установкам, представляющим собою скорее досадный груз прошлого, нежели пригодную для приложения на практике рецептуру

видоизменения действительности. Не говоря уже о том, что с наступлением третьего тысячелетия массы решительно отодвинуты на задний план истории. *Доктрина* содержит в себе призыв готового читателя к тому, чтобы пробудить в нем автономного субъекта, созидющего *мир иной* путем изгнания *мира сего* из себя самого. «Я – и нет вовне точки опоры!» – таков главнейший посыл *Доктрины*. Непредубежденному читателю радикальных взглядов, знакомому с *Катехизисом*, *Доктрина* может показаться жестом отчаяния, который преподнесен на порядок жестче, нежели в *Катехизисе*. Отчаяние прекрасно уже тем, что позволяет воззреться на мир существенно обновленным взглядом, в сравнении с тем, который застывает в нас благодаря прозябанию в обыденности. Пожалуй, если обойтись без лишнего лукавства, стоит признать, что *Катехизис* и *Доктрина* расходятся лишь в деталях, но общи по своей сути. Только поэтому автор не изыскал никакой нужды в том, чтобы излагать свое сочинение в какой-то выделяющейся по-своему форме. Гонка за нарочитой оригинальностью в итоге заканчивается творческой импотенцией. Впрочем, есть одно обстоятельство, которое следует учитывать при досужем сопоставлении обоих сочинений: *Доктрина*, не в пример *Катехизису*, заостряет эсхатологический пафос до такого критического предела, что разговор о гиперанархизме, как ответвлении Консервативной Революции, начисто лишается смысла. Именно поэтому гиперанархизм нельзя, упрощения ради, свести к эвфемизму «правого анархизма». Потому что гиперанархизму вообще нельзя дать какого бы то ни было исчерпывающего определения. Гиперанархиста не могут не теснить рамки. Ибо рамки есть наиболее удручающая форма несвободы. Второе издание призвано к тому, чтобы ликвидировать раз и навсегда заблуждение насчет односторонней «правизны» гиперанархизма, хотя уже в первом издании автор безуспешно приложил к тому все требующиеся усилия. Думается, что в третьем издании нужды все-таки не возникнет.

От сердца – к Солнцу!

Виталий Самойлов

Действующие лица

Гиперанархист – молодой человек 20-ти лет, плотного телосложения, с чертами лица, выдающимися в нем скорее подростка, нежели юношу; светловолосый, стрижен коротко; одет строго, но со вкусом.

Интервьюер – девушка 25-ти лет, приятной наружности и хрупкого телосложения; корреспондент веб-издания, специализирующегося на молодежных субкультурах; темноволосая, стрижена коротко, в стиле каре; одета во все молодежное, неброско; накрашена вполне так скромно, не вызывающе и не совсем ярко.

Доктрина гиперанархизма (пьеса-диалог в одном акте)

Самый могущественный человек тот, кто на жизненном пути стоит одиноко.

Генрик Ибсен

Борись за создание в себе твердой точки опоры, с которой ничего не сможет сделать внешний мир, гляди на все происходящее как на бездушную написанную картину, и не трогайся ею.

Густав Майринк

Занавес

Посередине сцены расположен журнальный стол с крышкой округлой формы, а по обе его стороны друг против друга расставлены кожаные кресла, причем так, чтобы можно было видеть лица персонажей. На столе в центре – графин с питьевой водой, подле каждого из участников действия стоят пепельница и стакан. Сцена едва освещена, но на общем фоне, погруженном в непроглядный мрак, облик персонажей и подспудный им антураж просвечиваются достаточно четко. Интервьюер сидит в кресле слева от зрительного зала в ожидании Гиперанархиста, который спустя некоторое время появляется на сцене с противоположной от Интервьюера стороны. Гиперанархист подходит к не занятому креслу, после чего останавливается.

Гиперанархист: *(Почтительно.)* Здравствуйте!

Интервьюер: *(Слегка встревожено, указывая собеседнику правой рукой на пустующее кресло.)* Здравствуйте, присаживайтесь!..

Гиперанархист: Благодарю. *(Устраивается как можно удобнее в кресле, после чего выжидает, робко взглядываясь в Интервьюера.)*

Интервьюер: *(Не без замешательства в голосе.)* Знаете, мне немного непривычно работать в таком амплуа, но, полагаю, беседа у нас с Вами выйдет достаточно интересная...

Гиперанархист: *(Улыбаясь краями губ.)* Надеюсь на то... *(Выжидает, пока Интервьюер начнет говорить, но внезапно сам обрывает исподволь создавшуюся тишину.)* Так о чем бы Вы хотели со мной поговорить?

Интервьюер: *(Спохватившись, достает из кармана рубашки блокнот и ручку; открывает блокнот, приготовившись делать пометки.)* Знаете, посетители нашего веб-сайта очень бы хотели узнать, что означает то движение, которое Вы представляете, и имя которому – гиперанархизм.

Гиперанархист: *(Свесив нога на ногу и прибавив уверенности в голосе.)* Ну, я бы это не назвал движением... Не совсем точное обозначение выйдет.

Интервьюер: *(Участливо, и слегка наклонившись вперед.)* Тогда что же именно Вы представляете?

Гиперанархист: *(С улыбкой на лице, выражающей, скорее, надменность и хитрость, нежели радушие.)* Что не движение – так это уж точно. Для движения мы не слишком многочисленны, тем более что за нами нет официальной регистрации, да и не претендуем мы на нее.

Интервьюер: *(На протяжении всей беседы периодически делая пометки у себя в блокноте.)* Хорошо, а как же быть с вашим веб-сайтом?

Гиперанархист: Веб-сайт – это не больше, чем площадка для оглашения наших идей. Заметьте, чтобы стать гиперанархистом, совсем не нужна регистрация у нас в качестве постоянного члена, не нужны никакие членские взносы и прочие формальные атрибуты многих других организаций.

Интервьюер: *(Удивленно.)* Как же Вы тогда определяетесь с тем, кто поддерживает Ваши идеи?

Гиперанархист: *(Слегка задрав кверху голову; начинает жестикулировать своей речью, причем делает это весьма часто на протяжении всей беседы.)* А нам этого вовсе и не нужно... *(Выдерживает паузу для раздумья, напряженно хмуря брови.)* Понимаете, в ходе нашей беседы Вы сможете удостовериться, что Ваши представления о гиперанархизме полностью пойдут вразрез с представлениями о прочих течениях и направлениях.

Интервьюер: *(Кокетливо.)* Гм... Очень даже может быть... *(Слегка заглядевшись на своего собеседника, который смотрит на нее испытывающим взглядом, продолжает в серьезном тоне.)* Хорошо, организационные вопросы пока оставим в стороне, но, с Вашего позволения, я к ним еще вернусь, если сочту нужным. *(Гиперанархист утвердительно кивает.)* Пока же скажите мне, почему вы называетесь гиперанархистами, и в чем ваше принципиальное отличие от... тех же самых анархистов, только взятых уже без приставки «гипер»?

Гиперанархист: *(Говорит угрюмо и задумчиво, немного притупив взгляд, как будто проговаривает монолог.)* Пожалуй, главное отличие, если брать тех же анархистов, Вами упомянутых, состоит в том, что гиперанархизм – это не течение, не движение, но мировоззрение, которое может объединить совершенно разных людей безотносительно их конкретных воззрений идеологического толка. В основание гиперанархизма, как мировоззрения, положен принцип свободы, причем свободы, заметьте *(наконец поднимает глаза на Интервьюера)*, взятой в ее безусловном значении.

Интервьюер: *(Заинтересованно.)* Может быть, гиперанархизм – это просто философия?

Гиперанархист: *(Несколько уклончиво.)* Отчасти, да, но гиперанархизм идет глубже и дальше философии, а потому *(слегка усмехаясь)* как бы берет выше анархистов по своим планкам.

Интервьюер: Значит, приставка «гипер» здесь указывает на концентрацию анархизма в его предельном выражении?

Гиперанархист: *(Сжимает губы.)* Не совсем... Скорее, речь идет о том, что анархизм выступает за свои обыденные рамки, становясь уже нечто большим, чем просто анархизм, который нам с Вами знаком.

Интервьюер: *(Свешивает ногу на ногу и слегка наклоняется вперед.)* Вот отсюда, пожалуйста, поподробнее. *(Отбрасывает на журнальный стол блокнот вместе с вложенной в него ручкой.)*

Гиперанархист: *(Слегка надменно улыбнувшись.)* Извольте... Если анархизм преследует цели сугубо социально-политические, как-то, например, низложение всякого существующего ныне порядка вещей и т.д., то цели у гиперанархизма совершенно иного порядка, метафизического... Поэтому у гиперанархизма есть также другое имя – метафизический анархизм.

Интервьюер: Интересно было бы узнать, какое метафизическое... толкование может быть дано анархизму и анархии в частности.

Гиперанархист: *(Заметно оживившись в голосе и жестикуляции.)* Для начала нужно разобраться в том, что именно значит «анархия». Как я понимаю, на сей счет Вам лично,

кроме избитого определения анархии как безвластия, сказать нечего. (*Интервьюер, едва заметно улыбнувшись, пожимает плечами.*) Допустим, если мы обратимся к дословному переводу с греческого, то «анархия» будет означать уже не безвластие, но безначалие. Казалось бы, принципиальной разницы здесь нет, но стоит учесть, что если приставка «ан» означает исключение, отрицание чего-то, то корень «архе» значит «начало», а если быть точнее, то «первоначало». Такова, пожалуй, принципиальная суть анархизма. Вообще, сам «изм» очень затрудняет понимание гиперанархизма, поэтому хочу оговориться сразу, что (*картинно кашляет*), с точки зрения гиперанархиста, анархия и анархизм – далеко не одно и то же. Понимаете, о чем я?

Интервьюер: (*Испытав некоторое замешательство.*) Если честно, то не совсем.

Гиперанархист: (*Озадаченно.*) Гм... Тогда постараюсь объяснить... Смотрите, гиперанархизм – концепция метафизическая, духовная, а потому исходит из надлежащего понимания свободы. Да, свобода – общее место, как для анархизма, так и для гиперанархизма. Обе концепции стремятся ко всестороннему раскрепощению и освобождению человека. Только вся разница между ними в том, что если анархизм исходит из себя самого, т.е. из ложной свободы, то гиперанархизм берет за основу истинную свободу – анархию. Причем, если ложную свободу нужно понимать как безначалие, то истинную свободу – как безвластие.

Интервьюер: (*Слегка оттолкнувшись к спинке кресла.*) Хорошо, а каковы критерии различения между тем, что Вы назвали, с одной стороны, ложной свободой, безначалием, а с другой стороны, истинной свободой, безвластием?

Гиперанархист: А что Вы лично понимаете под свободой?

Интервьюер: Вы отвечаете вопросом на вопрос.

Гиперанархист: (*С недоброй, но едва заметной на лице улыбкой.*) Я намеренно допустил этот прием, дабы углубить нашу дискуссию.

Интервьюер: (*Выпрямляется, слегка задирает кверху голову, резким движением которой вскидывает свисающую на глаз челку.*) Вы явно забываете, что у нас с Вами интервью, а не дискуссия.

Гиперанархист: (*Сурово.*) Да, но все-таки извольте.

Интервьюер: (*Жеманно, демонстрируя всем своим видом нежелание отвечать.*) Хорошо, раз Вы настаиваете... (*Гиперанархист притязательно озирается на собеседницу.*) Не знаю, на ум напрашивается такая банальность: свобода – это возможность поступать согласно предписанию закона. Причем совсем не важно, каков этот закон – будь это закон государства, религии, либо же светской этики. Короче говоря, свобода – это то же, что и право выбора. Выбора между дозволенным и запрещенным.

Гиперанархист: (*Утвердительно кивая головой, откидывается на спинку кресла, скрестив на груди руки.*) Вот здесь как раз содержится весьма типичное замещение в понимании свободы, подмена свободы т.н. правом выбора. Свобода – одно, а право выбора – совсем другое. Право выбора вполне-таки рационально и рассудочно по своему характеру. Каждому из нас оно дано в опыте, а потому требует, что называется, трезвого (*усмехается*) рассуждения и холодного размышления. Свобода же, в ее истинном понимании, вне обычного опыта. Право выбора же, которое очень часто смешивают, причем вполне неправомерно, со свободой воли, уже означает несвободу, ибо оно навязано нам извне, поэтому мы постоянно принуждены выбирать, колеблясь и мешкая. Недаром Бердяев говорил, что право выбора очень удобно для судебного-процессуального понимания жизни, где каждому воздается заведомо неотвратимое. И действительно, понимание свободы через право выбора грешит излишним юрицизмом.

Интервьюер: (*Озадаченно.*) Это Вы сейчас сказали, насколько я поняла, в контексте свободы истинной. (*Гиперанархист утвердительно кивает.*) Что же, по-Вашему, она означает, если право выбора – это уже несвобода?

Гиперанархист: *(Воодушевленно.)* Хороший вопрос! Понимаете, старик Кант *(Интервьюер принимается делать пометки в блокноте)* различал два вида причинности – обусловленную и необусловленную. Обусловленную *(картинно кашляет)* он относил к природе, где полностью царит необходимость, т.е. несвобода. А необусловленную *(поднимает вверх указательный палец правой руки)* он относил к свободе. Но у Канта, видите ли, вся беда состоит в том, что свобода и необходимость как бы не соприкасаются, т.е. свобода не дана ни в каком опыте, а потому если ее и можно мыслить, то лишь как общеобязательное условие морального закона, которое не позволяет снять с человека ответственность за его деяния. Итак, даже Кант, которого я считаю величайшим мыслителем в истории всех времен, наряду с Платоном и Шопенгауэром, не удержался от того, чтобы дать свободе юридическое истолкование. К тому же, Кант понимал свободу как причинность, хотя и необусловленную, а это, на мой взгляд, в корне неверно.

Интервьюер: *(Нетерпеливо, нервно жестикулируя.)* Отлично, но это ведь Кант! а Ваше понимание истинной свободы каково?

Гиперанархист: Мое понимание таково, что свобода – это способность произвольно, т.е. самочинно, самостийно задавать естественную связь явлений независимо от какого бы то ни было побуждения – не важно, будь оно внешним, либо же внутренним. В принципе, здесь я ничем не расхожусь с Кантом, только если Кант полагал, что я не могу определенно знать свободу и поэтому должен в нее только верить, чтобы тем самым дать своему существованию моральное оправдание, то мое убеждение противоположно: я могу определенно знать, что свободен, а потому должен быть свободным, иначе мое существование никак нельзя оправдать, ибо, в противном случае, меня можно уподобить жалкой пылинке, которую смахнут, не глядя, вместе со всем прочим слоем пыли, что оседает на домашней мебели. Ну а если я должен верить в свободу, но не могу ее знать, чтобы создать за счет этой веры основу для морального закона, то это уже вовсе не свобода, а принуждение, т.е. рабство. Так что, с Кантом я солидарен лишь в исходных посылах, а не в конечном выводе.

Интервьюер: *(По ходу дела фиксируя услышанное в блокноте.)* Значит, по-Вашему, если человек не свободен, то его жизнь или, как Вы сказали, существование, не имеет оправдания?

Гиперанархист: *(Наливает в стакан немного воды и, осушив его, ставит обратно на стол.)* Это уже вопрос ценностного характера. Также и жизнь – категория ценностная, а не биологическая, как принято думать. Вообще, определяющими жизнь ценностями служат только две – свобода и смысл. Свобода – это то, что я могу знать. Это категория возможного. Смысл – это то, во что я должен верить. Это категория должного. Все прочее имеет значение уже постольку, поскольку. Разумеется, смысл идет вразрез с тем, что в обыденном плане мы понимаем как «значение». Хотя смысл очень тесно смыкается с тем же понятием цели, но не вполне совпадает с ним.

Интервьюер: *(Смущенно.)* Гм... Тогда такой вопрос: имеет ли жизнь какой-либо смысл?

Гиперанархист: Существование – нет, не имеет. Жизнь – бесспорно, имеет. А если быть точнее, то я живу постольку, поскольку верю в смысл. Смысл есть то, что мне неизвестно, а потому я должен в него верить. Иначе же я просто беспутно существую, а мое существование не имеет ни малейшего оправдания. Лучше тогда, чтоб меня и вовсе не было.

Интервьюер: А смысл жизни – он кем-то... скажем так, положен, либо же человек сам его для себя находит?

Гиперанархист: Смысл жизни заведомо определен Богом, а не дан мне кем-то извне, поэтому и не включает в себе того момента общеобязательности, который был, допустим, в моральном законе у Канта. Условием выхода к смыслу может быть лишь знание о свободе, а потому никто не может извне принудить меня к принятию общеобязательного смысла

и истины. Другое дело, что смысл мне достоверно не известен, он всецело находится в компетенции Бога, точнее, определен Божьим замыслом и может быть доступным мне лишь по вере, а не в знании. Кстати говоря, недаром Кант не сводил сущее и должное к одному и тому же. Сущее – это то, что есть, а должное – это то, чего нет. Они не совпадают и взаимно исключают друг друга. Стало быть, смысл, как должное, потусторонен сущему. Иначе же все сводилось бы к несвободе и бессмыслице.

Интервьюер: *(С досадным восклицанием в голосе.)* Значит, смысла у жизни все-таки нет!..

Гиперанархист: *(Пожимая плечами.)* Все верно, смысл у Бога, а я живу постольку, поскольку верю. Как бы это ни прозвучало банально, но без веры нет не только смысла, но и самой жизни. Одна лишь только жалкая на нее пародия, имитация. Вера – это акт интеллектуальной воли, в отличие от знания, которое очень часто профанируют в своем значении, выдавая за него то, что лучше всего назвать информацией. Знание – это акт интеллектуального созерцания, в котором утверждается то, что человеку дано в опыте, лежащем за пределами внешних органов чувств. То же самое касается свободы. Вера же утверждает непоколебимо и непреклонно то, что не дано ни в каком опыте, что принципиально неведомо человеку, но что должно быть взамен того, что есть теперь. Условием же веры служит моя свобода, вернее, мое знание о том, что я свободен. Иначе всякая истина обесценивается уже тем, что я принужден к ее принятию – либо извне, либо изнутри, под действием направляющих меня мотивов. А это уже означает не веру, а доверие. Вера же – это свободно и через свободу действующий во мне бунт против бессмыслицы.

Интервьюер: *(Едва поспевая за речью Гиперанархиста.)* У меня... в связи с этим... возник... *(внезапно отрывается от записи, обращая взор в сторону Гиперанархиста)* следующий вопрос: вот Вы свели свободу в ее истинном, по-Вашему, точнее, гиперанархистскому пониманию, к произволу и... *(слегка замешкалась)* к... скажем так, самочинству... но возможна ли такая свобода вообще в принципе? *(Немного встревоженно.)* Что есть тогда, в представлении гиперанархизма, безусловная, т.е. абсолютная свобода, о которой Вы уже говорили?

Гиперанархист: Вообще... о свободе можно говорить лишь мерками человека и по меркам человека. Поэтому, если судить именно мерками человека, то абсолютная свобода – это та самая истинная свобода, о которой я уже говорил. А если говорить строго, то абсолютной свободы попросту не существует. И вот почему. Сначала потому, что – и здесь со мной согласится любой мистик или богослов – сущность Бога не может быть исчерпана никакими определениями. Если мы назовем Бога свободой, то уже умалим Его. Между тем как свобода имеет значение постольку, поскольку мы, люди, о ней говорим. Затем, нужно учитывать, что свобода не может быть абсолютной уже потому, что свобода коррелирует с необходимостью, т.е. свобода есть понятие соотнесительное, и хотя она безусловна в том плане, что, в отличие от необходимости, имеет самодовлеющий характер, но о свободе мы судим от противоположного, т.е. от того, что уже по определению мы знаем как несвободу, а именно необходимость. Стало быть, мы говорим о свободе лишь по негативу от необходимости, ибо именно необходимость есть первичная данность нашего опыта, сопряженного с пребыванием в мире. Когда же мы говорим об абсолютной свободе, то это уже *contradictio in adjecto*, т.е. такое утверждение, каждая из частей которого обусловлена тем, что она исключает другую и сама же ею, этой другой частью, исключается. Если говорить проще, то Абсолют по определению *(жестом правой руки изображает кавычки)* «находится» вне каких бы то ни было аналогий и противоположностей, поэтому может быть определен как то, чего нет, в то время как свобода в некотором роде зависима от того, что она противоположна необходимости. Абсолют – скажу, дабы не вводить Вас в заблуждение – нет в том значении, что Он вне чего бы то ни было из того, что может быть дано в опыте. Что же касается истинной свободы, то она

вполне-таки возможна, иначе бы мы просто-напросто не смогли о ней говорить. Она подтверждена многовековым духовным опытом человечества.

Интервьюер: *(С улыбкой на лице, выражающей одновременно как изумление, так и недоумение.)* Если я Вас правильно поняла, то, говоря об Абсолюте, Вы говорили о Боге. *(Гиперанархист утвердительно кивает.)* Как же так получается, что если, как Вы сами только что сказали, Бога нет, то мы говорим о Нем, когда о свободе мы можем говорить лишь потому, что она есть?

Гиперанархист: Я уже Вам сказал, что тем самым не хочу Вас ввести в заблуждение. Бога нет постольку, поскольку Он не может быть всецело дан в нашем опыте, ибо нашему опыту, равно как и знанию о свободе, не дано в полной мере исчерпать сущности Бога. Между тем, мы можем говорить о свободе лишь потому, что определенно знаем о нашей свободе. Парадокс, казалось бы, но, в самом деле, из этих двух утверждений в равной мере основательны оба. А все потому, что о Боге мы можем говорить лишь на языке парадоксов, как-то, например: если мы знаем о свободе, то Бог есть, а если мы верим в смысл, то Бога нет.

Интервьюер: Честно, мне, как человеку, который далек от религии, не дано охватить Вашей логики...

Гиперанархист: *(Перебивая.)* В том вся и суть, что здесь нет никакой логики.

Интервьюер: Да, и потому, исходя из того, что Вы говорите о свободе, мне бы хотелось узнать, каково Ваше понимание того, что уже назвали в ходе нашей... беседы ложной свободой.

Гиперанархист: *(Подняв кверху указательный палец правой руки.)* Разрешите тогда мне задать Вам встречный вопрос...

Интервьюер: *(Кокетливо.)* Извольте.

Гиперанархист: *(Притворно улыбувшись.)* Как Вы полагаете, Ваше появление на свет было обусловлено Вашей волей, либо же произошло вопреки ей?

Интервьюер: *(Слегка надменно.)* Я полагаю, что Ваш вопрос достаточно глуп, чтобы на него отвечать.

Гиперанархист: *(Едва сдерживая раздражение в голосе.)* Все-таки сделайте милость, ответьте.

Интервьюер: *(Рисуясь.)* Ну хорошо, так и быть... *(Притворно вздыхает.)* Я полагаю, что появилась на свет потому, что так захотели мои родители, а моя воля тут и вовсе ни при чем.

Гиперанархист: Тогда, полагаю, Вы согласитесь со мной, что ни о какой свободе не может идти и речи, если человек не выбирает того, что является причиной по отношению к остальному, с ним происходящему, как следствию, а именно, быть ему или нет.

Интервьюер: *(Пожимая плечами.)* Думаю, Вы правы...

Гиперанархист: По мере того, как человек оформляется в качестве зрелой индивидуальности, ему внушается та мысль, что существование, которое ему отведено, со всеми из этого вытекающими следствиями, есть некая самодовлеющая ценность, которой он едва ли не обязан дорожить. Но по определению нельзя дорожить тем, что тебе навязывается против твоей воли. Причем уже не имеет никакого значения, кем именно – *(иронично)* богом-батюшкой, природой-матушкой, либо же нашими родителями, которых, впрочем, особо-то и винить не в чем, ибо они, руководствуясь инстинктом продолжения рода, либо поддались действию страстей, а потом просто уже не совладали с последствиями, либо поддались внушениям со стороны, что зарождение на свет потомства есть всегда благо.

Интервьюер: *(Выдержав непродолжительную паузу для раздумья.)* Вы как-то уж слишком пессимистически, что ли, подошли к теме... *(Добродушно улыбувшись.)* Нет, я понимаю, конечно, что все зависит от личного восприятия, но чтобы так уж... трагически... *(С нескрываемой досадой в голосе.)* Ну так же нельзя!

Гиперанархист: *(Язвительно) Гм... (Передразнивая.)* «Ну так же нельзя!» Можно. Хотя... *(досадно отмахивается)* нынче это весьма расхожий стереотип мышления. Кстати говоря, *(желчно)* весьма свойственный представительницам прекрасного пола. Наивный оптимизм, знаете ли... Хорошо *(резонируя)*, а Вы всерьез думаете, что нам посчастливилось родиться в «наилучшем из возможных миров»?

Интервьюер: *(Несколько притупив глаза, но вполне-таки твердо.)* Думаю, наш мир вполне оптимален для того, чтобы в нем жить и любить. *(Прикладывая к груди ладонь правой руки в знак уверенности.)* Поймите, так рассуждаю не только я, но и подавляющее большинство живущих на свете людей. По крайней мере, среди тех, кто лично мне дорог и близок.

Гиперанархист: *(Сердито.)* Угу... *(С вызовом в голосе.)* Тем хуже для Вас и подавляющего большинства людей! Гиперанархизм исходит из принципиально другого, а именно, что нам не посчастливилось находиться не то что бы даже в предкатастрофическом, а уже в посткатастрофическом мире. Мире, который не просто пережил на себе – *(отмахиваясь)* это бы еще куда ни шло! – а сам явился результатом глобального метафизического катаклизма. В разных мифологиях этот катаклизм именуется по-разному, но, допустим, в христианстве, которое лично мне, мягко говоря, далеко не чуждо, имя этому катаклизму – грехопадение. *(Резко вскакивает с кресла и начинает расхаживать по сцене, попутно жестикулируя тому, что говорит. Интервьюер тем временем сидит в подавленном настроении, потупив взгляд; на Гиперанархиста практически не смотрит, зато слушает его внимательно со вдумчивым и слегка грузным выражением лица.)* Сегодня *(в голосе понемногу прибавляется лихорадочный задор)* во все лады трещат о том, что нужно изо всех сил предотвратить близящуюся катастрофу, но при этом мало кто удосуживается здраво обосновать, зачем, собственно говоря, отсрочивать то же глобальное потепление или же мировую термоядерную войну... *(Останавливается, выдерживает небольшую паузу, после которой продолжает говорить, далее расхаживая по сцене.)* А ведь, как я уже сказал, мы и без того погружены в посткатастрофический мир, а потому – кто знает? —надвигающаяся катастрофа сможет стать мигом исцеления, избавления – катарсиса, если хотите. *(Интервьюер с недоумением на лице оборачивается в сторону Гиперанархиста, желая что-то сказать, но Гиперанархист стремительно осекает ее, продолжая свою речь.)* Конечно, Вы и подобные Вам можете нас, гиперанархистов, обозвать психопатами, которые элементарно обижены на весь мир, где им просто-напросто места и подходящего применения не нашлось. Стандартная обывательская логика, ничего удивительного. Это, знаете ли *(ехидно ухмыляется)*, как раз тот случай, когда не мы выбираем Путь, а Путь выбирает нас. *(Оборачивается лицом к зрительному залу.)*

Интервьюер: *(Выдержав небольшую паузу для усвоения вышесказанного, в ходе которой принимается делать пометки в блокноте.)* Да уж... *(Тяжко вздыхает.)* Давайте все-таки вернемся к теме нашего разговора!

Гиперанархист: *(Резко обернувшись в сторону Интервьюера с недоумением на лице.)* Какой теме?!..

Интервьюер: Ну, о том, можно ли назвать человека по-настоящему свободным, если ему не приходится выбирать, жить или нет. Хотя, если честно, я не особо понимаю, как это соотносится с нашим разговором о гиперанархизме, который явно зашел уже не в то русло...

Гиперанархист: *(Торжественно скидывая указательным пальцем правой руки вверх.)* Самое тесное отношение имеет! М-да, пожалуй я и вправду увлекся. *(Добродушно улыбается, заодно обратив внимание на встречную улыбку Интервьюера.)* Тогда продолжим. *(Продолжает монолог, все так же расхаживая по сцене; по ходу дела Интервьюер помещает у себя в блокноте.)* Да, с одной стороны, наш разум, а если быть точнее, обыденное сознание говорит о том, что от нас равным счетом ничего не зависит – мы вынуждены как бы постоянно мириться с данностью мира извне. А если же и производим какой-либо выбор

в повседневности, то конечный исход нашего действия этим самым выбором не определяется. Мир – это судьба человека. С другой стороны, только в акте подлинного понимания – видения сути вещей, так сказать – наше высшее сознание или, говоря иначе, высший разум открывает нам, что мы бы никогда здесь и не оказались, не будь на то нашей сокровенной воли, неизвестной обыденному человеческому сознанию. Это как, знаете, у Эмиля Чорана – процитирую сейчас по памяти: «Если мое существование и было адом, то адом по моему выбору и моему вкусу». Казалось бы, несусветный бред, но здесь мы и вправду грозим себе расквитаться со *(жестом правой руки изображает кавычки)* «здравым смыслом» и впасть в безумие.

Интервьюер: *(Иронично.)* И вправду, здесь уже какой-то мистикой пахнет.

Гиперанархист: *(Озадаченно пожимая плечами.)* Что ж поделаешь!.. Вообще, как Вы смогли уже убедиться, учение о свободе предельно мистично. Упомянутый мною Кант говорил об умопостигаемом характере каждого отдельно взятого человека, который как раз и есть та самая необусловленная причинность, если все-таки употреблять это выражение, что обусловливает действие нашего эмпирического или, говоря проще, чувственного характера. Вспомните, я Вам говорил о грехопадении. *(Обращается к Интервьюеру, которая тем временем, отвлекшись от пометок, оборачивается к Гиперанархисту и утвердительно кивает ему.)* Так вот, если судить мистически, то в райском Адаме, который уже *post factum* стал Адамом падшим, была заключена общая совокупность умопостигаемых характеров всех людей. Здесь я не говорю ничего от себя – это убеждение таких авторитетных отцов церкви, как бл. Августин и св. Григорий Нисский. Короче говоря, райский Адам – это архетип рода человеческого, в котором нашло свое олицетворение то, что Шопенгауэр называл «утверждением воли к жизни». Так вот, грехопадение – это вневременной акт свободного выбора, повлекший за собою то, что экзистенциалисты понимали как «заброшенность в мир». Итак, если, как я уже сказал, мы выброшены в посткатастрофический мир, то неудивительно, почему выше упомянутый мною Шопенгауэр сказал, что мир есть сплошной грех. Конечно, христиане трактуют это событие так, что с грехом Адама в уже сотворенный Богом, а значит и вполне-таки оптимальный мир вошел грех, но эту трактовку, как я полагаю, нужно принимать к сведению достаточно условно, понимать ее символически. Думаю *(с иронией)*, нужно быть слишком наивным человеком, чтобы всерьез полагать, что, дескать, случайно произошедшим где-то на территории Междуречья конкретным историческим фактом на весь космос могло быть чудодейственным образом распространено действие второго начала термодинамики и закона сохранения материи. В любом случае, миф о грехопадении повествует нам о вневременном акте ложной свободы, порочного своеволия, результатом которого стал *(изображает жестом правой руки кавычки)* «наилучший из возможных миров».

Интервьюер: *(Отложив на стол блокнот с ручкой.)* Да, мне знакома эта христианская логика, что, дескать, человек виновен уже тем, что родился на свет. Но, знаете, мне с моим, как Вы выразились, наивным оптимизмом, хочется верить в несколько другое. Так и жить проще да и не заморачиваешься, что называется.

Гиперанархист: *(Присаживается в кресло.)* Да, я Вас хорошо понимаю. С этим и вправду жить... *(цокает и, потупив взгляд, досадно покачивает головой)* мягко говоря, трудно, но я уже сказал, что этот тот случай, когда не человек выбирает Путь, а наоборот.

Интервьюер: О каком Пути Вы все говорите? и нет ли здесь противоречия: с одной стороны, человек уже, скажем так *(иронично ухмыляется)*, вне времени выбирает, жить ему или нет, пускай и в лице мифического прародителя рода человеческого, а с другой стороны, Путь сам выбирает человека?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.